
Т.П. Буслакова

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

В стихотворении претворяются впечатления автора от новогоднего бала в Дворянском собрании Петербурга. Достоверность подчеркнута указанием конкретной даты, предваряющей текст («1-е января»).

Однако переживание лирического героя перерастает рамки случая. Чувство, выраженное в стихотворении, охватывает его «часто». Наружно участвуя в «пляске» «толпы», он в душе живет в иной — «вольной», «странной», «дивной» — стране мечты.

Образ толпы имеет как конкретный (многолюдье новогоднего бала), так и переносный смысл. Его выявление происходит при помощи важного для многих стихотворений Лермонтова мотива неприятия «шума мирского» («Есть речи — значенье...», 1839). В «музыке и пляске» гостей «праздника» лирический герой слышит дикий шум всего внешнего мира (синекдоха¹). Характеристики «пестрой толпы» переносятся на общество в целом, в связи с чем становится понятным «дерзкое» негодование, выражением которого герой хочет «смутить» общую «веселость». Он чувствует себя «окруженным» враждебным миром (его черты изображены в первой, второй и последней строфах, что позволяет создать обрамление для картины «царства дивного» мечты). Разорвать эту цепь можно только «железным стихом» (эпитет имеет двоякий смысл — сатирическое содержание стиха и действенное оружие):

Как часто пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон...

...

Мелькают образы бездушные людей...

...

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Безликость, бездушие — главные характеристики «толпы людской». В ее суеете лирического героя окружают «маски, «образы бездушные», похожие на кукол «бестрепетные» красавицы, ему слышны «затверженные речи». Все это пугает его («спугнет мечту мою»), погружает в «сон», похожий на смерть («холодных рук моих»):

При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают...

Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки...

Спасением оказывается забвение, уход от действительности в воспоминания и мечты. Там он чувствует себя свободным («вольной, вольной птицей» — романтический образ птицы, олицетворяющий свободу, усилен повтором эпитета), всесильным:

---

¹ *Синекдоха* — троп (фигура переосмысления), в котором целое выявляется через характеристику части, вид метонимии

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей...

...

Так царства дивного всеильный господин...

«Святые звуки» заглушают «дикий шепот», «шум толпы», и перед ним возникают «ласкающие» душу картины. Композиционные особенности стихотворения позволяют постепенно выявить сокровенное, глубинное переживание, остающееся и «Под бурей тягостных сомнений и страстей» нетленным, как «свежий островок»:

И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей,
Цветет на влажной их пустыне.

Смысловые и эмоциональные линии стягиваются к центру стихотворения. В 3–5-й строфах взгляд лирического героя обращается в глубь его души. Возникает картина «погибших лет» — детства в «родных» местах, каждая подробность в которых памятна и дорога («высокий барский дом», «сад с разрушенной теплицей», «спящий пруд», «туманы над полями», «за прудом село»). Даже мгновенное впечатление, пережитое в детстве, ощутимо оживает, освещенное «лучом» памяти:

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами...

Если в зарисовке детства главную художественную роль играют детали (пейзажные, бытовые, импрессионистические), позволяющие подчеркнуть его погибшее очарование («разрушенная теплица», «спящий пруд», «туманы», «аллея темная»), то старинной, любимой мечте посвящен исповедальный рассказ лирического героя. Детские впечатления настраивают на восприятие главного:

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье...

Самой задушевной мечтой предстает желание любви (слово «люблю» выделено с помощью переноса и повтора). Однако любовь лирического героя обращена не к реальной «красавице», все они видятся ему «бездушными», неживыми, погруженными в «блеск и суету» внешнего мира. Его «люблю» относится к идеалу, «созданию» мечты. В этом образе воплощена потребность в красоте и гармонии. Детская влюбленность, послужившая прототипической основой портрета любимой, проявлена с помощью значимых деталей («первое сиянье», «молодого дня», «Я долгие часы просиживал один», «память... жива поныне»). Однако и первая «тоска» была уже «странной»: любовь переживалась в одиночестве, а в реальных чертах взгляд ловил «сиянье» идеала:

С глазами, полными лазурного **огня**,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое **сиянье**.

Насколько долгим был путь в сокровенные глубины души героя, настолько резким предстает его пробуждение:

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы спугнет мечту мою...

Внезапность сопоставления внешнего и внутреннего («толпа» — «мечта») придает ему характер столкновения, конфликта. Победителем в нем оказывается несмолкающий «шум толпы», что вызывает «горечь и злость» лирического героя. Вечное противостояние

идеала и реальности он ощущает как личную трагедию, и его участие в ней («хочется смутить», «дерзко бросить им в глаза железный стих») возвышает личность того, кто, сознавая обреченность одинокого бунта против мира масок и «затверженных речей», дерзает, пытаясь вырваться из его порочного круга.